

Фото С. Шингарева.

КРЫЛАТЫЙ АГИТАТОР ГОТОВ К ПОЛЕТУ

Полтора года назад, когда Советский союз праздновал 40-летний юбилей Алексея Максимовича Горького, по призыву Михаила Кольцова началась кампания по строительству самолета-гиганта имени великого пролетарского писателя.

Пять дней назад самолет «Максим Горький» выведен из ангаров ЦАГИ на аэродром.

Самолет строили вся страна. Средства на строительство вложили почти все газеты Союза. Во «Всесоюзный комитет по постройке самолета им. Максима Горького» поступили переводы из Северного края и Баку, из Мурманска и Хабаровска, Ташкента и Моршанска... Было собрано шесть миллионов рублей.

Самолет «Максим Горький» готов. Его сконструировала группа советских инженеров во главе с выдающимся строите-

лем советских самолетов заслуженным деятелем науки и техники проф. А. Н. Туполевым.

Самолет-гигант — моноплан со свободно несущим крылом, нижняя плоскость которого расположена вровень с полом фюзеляжа. Крыло самолета настолько велико, что пассажиры свободно могут проникнуть внутрь не нагибаясь. Самолет целиком металлический; на нем установлены советские моторы.

Кабина пилота оборудована всеми новейшими приборами: вплоть до «автоматического пилота» и специального радиокомпаса. Прекрасное оборудование самолета позволяет ему совершать полеты в ночью и днем, в облаках и в тумане.

«Максим Горький» — гигантский воздушный агитатор с собственными радиостанциями, электростанцией, АТС, типографией и кинолабораторией.

Агитсамолет, спустившийся где-нибудь за тысячу километров от центра, будет выпускать газету с иллюстрациями, фото для которых может проявляться в лаборатории на самолете, а кинопленка — изготавливаться в собственной цинкографии. Вечером в день прилета на экране можно будет увидеть самый прilet, заснятый кинооператором, проявленный и отпечатанный на самолете.

Сейчас идет проба моторов самолета и заканчивается его внутреннее оборудование. Включена автоматическая телефонная станция. Работает электростанция.

Летное испытание машины проводят заслуженный летчик СССР т. М. Громов. Как только подсходит аэродромная дорожка, самолет-гигант поднимется в воздух.

Но работа по созданию крылатого агитатора еще не окончена. Необходимо еще выстроить громадный ангар, соот-

вествующий его размеру, с мастерскими, лабораториями для исследования и ремонта его сложнейшего оборудования.

Нужно рассеять по стране большое количество посадочных площадок, чтобы они могли в любое время принять любой самолет — от маленькой «Пионерской правды» до гиганта «Максима Горького». «Крестьянская газета» дала обязательство организовать строительство тысяч таких посадочных площадок.

Тогда казахстанский кочевник, украинский колхозник и сибирский лесоруб смогут увидеть гигантский крылатый агитатор, равного которому нет в мире...

На снимках: слева — заканчивается монтаж и проверка амортизаторов; в центре — общий вид самолета, справа — подготовка верхних моторов самолета к опробованию.

РЕСТАВРАЦИЯ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

К. ПАУСТОВСКИЙ

ОХОТНИК ГУЛИЯ

Мрачный охотник Гулия сидел у kostра и разговаривал с собакой. Она лежала, прикусив кончик языка, смотрела на хозяина желтыми глазами и тряслась от озноба.

Вокруг простирались джунгли. Время шло к вечеру, и особых предвечерия тишина звенела в ушах у собаки. Ей казалось, что налетают тараканы, и она нервно встряхнула ушами.

Неприметные тугоевые заросли скакали как бы воздухе над глухим озером Наронахи. Сквозь охуку кое-где прородилась темный граб и курчавые тугоевые деревья. Длинные колочки на пожелтевших лианах были похожи на петушиные шпоры. В густом сумраке у подножия деревьев буйно, как красива, разрасталась удушливая папоротник.

— Я извиняюсь, — сказал Гулия собаке, — я честный охотник, а не как-нибудь менышевик-бухгалтер.

Собака слабо вильнула хвостом. — Будь я самцы низкий человек, если я не сверну голову этому мальчишке Сандро!, — добавил зловеще Гулия. — Десять рублей претра- фу за поганую американскую криму! Десять рублей христоса! Они были наполовину засосаны болотом и заросли стоячим мхом. По мнению Гулии, около крепости должны были водиться дикие кабаны.

Гулия спрятал записку за пазуху и пошел в лес. Он знал, что в развалинах римской крепости. Они были наполовину засосаны болотом и заросли стоячим мхом. По мнению Гулии, около крепости должны были водиться дикие кабаны.

На суде Гулия сказал правду: никто не знал джунглей так хорошо, как он. Но Гулия не знал рассказывать. Он выслушивал зверя, почесывая костром, прорвалась в тараканы и пронзительно свистел на пискавов. Он разучился разговаривать. Самые оживленные беседы он вел только с самим собой и собакой.

Гулия плакал. — Мне как-то некорректно словом: «бронкер». — Бран! Что значит бран! — «Бран — это охота на запрещенных зверей», — ответил судья. Я знал, что значит бран. Бранывает, когда люди нарочно прятят вещи. Он сказал, что Сандро и Гулия, между русами этих рек, кинули лежак «тельверг». — Грозды площи земли, куда переливается лишняя вода из Риона и Хопи.

Рис. А. Ниренберга.

застрелить дикого кабана и подать его молодому инженеру. Кровь за усугубу, обида за обиду и услуга за услугу, — к этому сводились вся нехитрая философия Гулии.

Второй день он бродил в джунглях. Он видел странные вещи, но замечал их. Джунгли потерянны для него всякая таинственность.

Он видел бешеные мутные реки — Рион, Циву и Хопи. Они неслись к морю по высоким валам, намытым ветками. Они текли выше окружающей низины и во время разливов, а их на пытке Рионе бывало больше ста пятидесяти в год, пересыхали через берега, затопляли джунгли и превращали всю страну в тусклое необозримое озеро.

Гулия изредка думал, как случилось, что реки текут выше болот, будто по насыпям, сделанным руками человека. Если бы он и увидел когда-нибудь померченный профиль страны, сделанный Габуниной, то ничего бы не понял. На этом профиле отчетливо было видно, что главные реки Колхиды протекают по насыпям, а между русами этих рек, кинули лежак «тельверг» — грозды площи земли, куда переливается лишняя вода из Риона и Хопи.

Гулия сидел в джунглях. Из-за края земли величиной с небольшую комнату Гулия сидел с сопедом двенадцать лет.

Жизнь шла медленно и неспокойно. Каждый год ждали новых налогоў. Каждый год умирали от лихорадки соседи и изыхали буйволы. Каждый год наводнение заливало глухую деревню холодной водой, мачавшейся с проклятыми горами. А к началу революции деревня сгинула, как родной матери. Ты темный человек, Гулия.

— Я извиняюсь, — ответил я, — я конечно, еще не научился читать, но я лучший охотник от Сунды до Хопи. Кто из вас пройдет костром? — «Бран» — это охота на запрещенных зверей, — ответил судья. Я знал, что значит бран. Бранывает, когда люди нарочно прятят вещи. Он сказал, что Сандро и Гулия, между русами этих рек, кинули лежак «тельверг».

— Красивый смех, когда ты застрелил зверя с американской реки Рио-Негро, — сказал судья, — ты знаешь, сколько он стоит? Сто долларов за пушку, или двести рублей золотом. Я говорю тебе истинную правду, как родной матери. Ты темный человек, Гулия.

— Я извиняюсь, — ответил я, — я конечно, еще не научился читать, но я лучший охотник от Сунды до Хопи. Кто из вас пройдет костром? — «Бран» — это охота на запрещенных зверей, — ответил судья. Я знал, что значит бран. Бранывает, когда люди нарочно прятят вещи. Он сказал, что Сандро и Гулия, между русами этих рек, кинули лежак «тельверг».

— И тогда влез в разговор Сандро и как кинжалом удалил в моё сердце. «Вижу я», — сказал он, — что ты лучший охотник от Сунды до Хопи для своего кармана, а я хочу сделать из тебя лучшего охотника для советской власти.

— Что я могу сказать мальчишке? «Замолчи, низкий человек!» — крикнул я, вскочил и хотел ударить его, но милиционер схватил меня за груди и сказал, что на суде не разрешается драсться. Хочешь драсться — или на базар!

Он пропадал в болотах, и жизнь проходила мимо него. Он однажды потерялся кней в костре, Людишли в колхозы, глядя на Рионе строили электрическую станцию, но в болотах было как всегда душно, газо и на десятки километров стояла по рывинам гнилая вода.

Потом приехали изджинеры и рабочие, пришли экскаваторы, и Гулия сидел в джунглях, и живи, как болота настали конец. На их места засадили леса лимонов и мандаринов, и новая земля будет называться не Мингрелией, а Колхидой, и сказал им такую речь...

Гулия замолчал, и долго думал, стараясь вспомнить блестящую речь Габуниной. Речь эта вилась вокруг Гулии. «Колхозы», — сказал он, — где работают только женщины и откуда выгоняют всех мужчин, особенно таких лентяев, как ты, называемых колхидами. Здесь будет первая колхиза в Советской стране! Гулия повернула и испугалась. Как не поверить старнику, который в молодости в один присест выливал пуд вина!

Когда Гулия узнала, что над ним посмеялись, он хотел прыгнуть к Коркину и обозвать его дураком, но не решился. — Коркина был старше Гулии на десять лет.

Гулия знал, что бури кончались. Скоро засыпало обыкновенное наводнение. Прибой заносил устья рек горами песка. Тихие реки не могли прорваться в море, останавливались

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ «КОЛХИДА»

ОХОТНИК ГУЛИЯ

Гулия подошел к руке и долго ее рассматривал. Молодая лизана обвила вокруг нее, как туяя черная вена. Гулия взял руку и опустил холода мрамора.

Он присел около руки и начал ковырять ножом землю. Показалось женское лицо с прямым носом и приоткрытым ртом. Гулия зажег спичку. Плесень лежала в тяжелых косах, намотанных вокруг головы каменной женщины.

Гулия наклонился в болотце тряпкой и долго пропыкал у статуи голову и плечи. Стало совсем темно. Гулия принес головешку из костра и осветил статую. Прекрасное лицо греческой богини смотрело на него выпуклыми белыми глазами. Огонь оживлял его. Мраморная женщина не дрогнула, а Гулия молчал.

Он присел около руки и начал ковырять ножом землю. Показалось женское лицо с прямым носом и приоткрытым ртом. Гулия зажег спичку. Плесень лежала в тяжелых косах, намотанных вокруг головы каменной женщины.

Гулия наклонился в болотце тряпкой и долго пропыкал у статуи голову и плечи. Стало совсем темно. Гулия принес головешку из костра и осветил статую. Прекрасное лицо греческой богини смотрело на него выпуклыми белыми глазами. Огонь оживлял его. Мраморная женщина не дрогнула, а Гулия молчал.

Гулия вспомнил о суде и пытке. Он знал, что устья рек густы, застыли на дне болота, и на них сидели старые охотники. Гулия зажег спичку. Плесень лежала в болотце тряпкой и долго пропыкал у статуи голову и плечи. Стало совсем темно. Гулия принес головешку из костра и осветил статую. Прекрасное лицо греческой богини смотрело на него выпуклыми белыми глазами. Огонь оживлял его. Мраморная женщина не дрогнула, а Гулия молчал.

Гулия вспомнил о суде и пытке. Он знал, что устья рек густы, застыли на дне болота, и на них сидели старые охотники. Гулия зажег спичку. Плесень лежала в болотце тряпкой и долго пропыкал у статуи голову и плечи. Стало совсем темно. Гулия принес головешку из костра и осветил статую. Прекрасное лицо греческой богини смотрело на него выпуклыми белыми глазами. Огонь оживлял его. Мраморная женщина не дрогнула, а Гулия молчал.

Гулия вспомнил о суде и пытке. Он знал, что устья рек густы, застыли на дне болота, и на них сидели старые охотники. Гулия зажег спичку. Плесень лежала в болотце тряпкой и долго пропыкал у статуи голову и плечи. Стало совсем темно. Гулия принес головешку из костра и осветил статую. Прекрасное лицо греческой богини смотрело на него выпуклыми белыми глазами. Огонь оживлял его. Мраморная женщина не дрогнула, а Гулия молчал.

Гулия вспомнил о суде и пытке. Он знал, что устья рек густы, застыли на дне болота, и на них сидели старые охотники. Гулия зажег спичку. Плесень лежала в болотце тряпкой и долго пропыкал у статуи голову и плечи. Стало совсем темно. Гулия принес головешку из костра и осветил статую. Прекрасное лицо греческой богини смотрело на него выпуклыми белыми глазами. Огонь оживлял его. Мраморная женщина не дрогнула, а Гулия молчал.

Гулия вспомнил о суде и пытке. Он знал, что устья рек густы, застыли на дне болота, и на них сидели старые охотники. Гулия зажег спичку. Плесень лежала в болотце тряпкой и долго пропыкал у статуи голову и плечи. Стало совсем темно. Гулия принес головешку из костра и осветил статую. Прекрасное лицо греческой богини смотрело на него выпуклыми белыми глазами. Огонь оживлял его. Мраморная женщина не дрогнула, а Гулия молчал.

Гулия вспомнил о суде и пытке. Он знал, что устья рек густы, застыли на дне болота, и на них сидели старые охотники. Гулия зажег спичку. Плесень лежала в болотце тряпкой и долго пропыкал у статуи голову и плечи. Стало совсем темно. Гулия принес головешку из костра и осветил статую. Прекрасное лицо греческой богини смотрело на него выпуклыми белыми глазами. Огонь оживлял его. Мраморная женщина не дрогнула, а Гулия молчал.

Гулия вспомнил о суде и пытке. Он знал, что устья рек густы, застыли на дне болота, и на них сидели старые охотники. Гулия зажег спичку. Плесень лежала в болотце тряпкой и долго пропыкал у статуи голову и плечи. Стало совсем темно. Гулия принес головешку из костра и осветил статую. Прекрасное лицо греческой богини смотрело на него выпуклыми белыми глазами. Огонь оживлял его. Мраморная женщина не дрогнула, а Гулия молчал.

Гулия вспомнил о суде и пытке. Он знал, что устья рек густы, застыли на дне болота, и на них сидели старые охотники. Гулия зажег спичку. Плесень лежала в болотце тряпкой и долго пропыкал у статуи голову и плечи. Стало совсем темно. Гулия принес головешку из костра и осветил статую. Прекрасное лицо греческой богини смотрело на него выпуклыми белыми глазами. Огонь оживлял его. Мраморная женщина не дрогнула, а Гулия молчал.

Гулия вспомнил о суде и пытке. Он знал, что устья рек густы, застыли на дне болота, и на них сидели старые охотники. Гулия зажег спичку. Плесень лежала в болотце тряпкой и долго пропыкал у статуи голову и плечи. Стало совсем темно. Гулия принес головешку из костра и осветил статую. Прекрасное лицо греческой богини смотрело на него выпуклыми белыми глазами. Огонь оживлял его. Мрамор